

## ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ТЕКСТОВЫХ СМЫСЛОВ В ДВУЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**Е.М. Масленникова**

Тверской государственной университет, Тверь

В процессе перевода как специализированной межкультурной двуязычной текстовой коммуникации смысловые сдвиги опосредованы контекстом принимающей культуры и её культурными артефактами. Близость переводческих решений обусловлена фактом (со)существованием переводчиков в единой пространственно-временной обстановке. В статье обсуждаются особенности актуализации текстовых смыслов и смысловой коррекции текста, вызванные эмоционально-эмотивной вовлеченностью переводчика как первичного читателя в оригинал.

*Ключевые слова:* текст, понимание, перевод, интерпретация, переводческие трансформации, личностная доминанта

ТЕКСТ «как срединный элемент схемы коммуникативного акта» [6: 8] традиционно включается в триаду, включающую адресанта / автора, собственно текст и адресата / читателя. Некоторые исследователи указывают на имевший место в процессе историко-культурного развития человека распад «триады» в виде «исполнитель / автор → текст → слушатель», более характерной для устного воспроизводства и передачи текстов, на две «диады», где пары «автор → текст» и «текст → читатель» соответствуют процессу восприятия письменного текста [9]. Каждая из двух независимых диад («автор → текст» и «текст → читатель») различаются разнонаправленностью, а деятельности их участников (автора и читателя) отличаются мотивацией [3]. Принимая во внимание, что адресант и адресат потенциально обладают некоторой общностью знаний, можно также «говорить о взаимодействии двух диад как о системе из пяти составляющих: «продуцент – его проекция текста – тело текста – реципиент – его проекция текста»» [2: 158], когда только «тело текста» остаётся постоянной величиной, остальные величины являются переменными.

В процессе перевода как специализированной межкультурной двуязычной текстовой коммуникации цепочка «автор → текст → читатель» удваивается. Переводчик присутствует одновременно в двух языковых и текстовых средах. Двуязычность переводческой деятельности предопределяет удвоение коммуникативной цепи, в которую, кроме автора оригинала и «его» текста, добавляется переводчик, совмещающий в себе первичного читателя и квази-(со)автора, вторичный текст перевода, а затем собственно вторичный адресат из системы переводящего языка. План-текст разворачивается как система коммуникативных намерений автора, «считываемых» переводчиком и/или, вероятно, приписываемых им тексту с позиции интерпретатора. Стандартная языковая личность владеет стандартными (усреднёнными) нормами языка и культуры. Маркированность отношений внутри оппозиции

«свое ↔ чужое» предусматривает разделение набора определённых культурно-языковых маркеров, к которым относятся особенности словоупотребления, метафорика, коммуникативные ситуации, речевой этикет, прецедентность и т.п.

Смысловая коррекция текста в значительной степени предопределена эмоционально-эмотивной вовлеченностью читателя в текст. Масштаб трансформирования смыслов оригинала коррелирует с 1) полем общения (внутри текстовой двуязычной коммуникации); 2) ситуацией общения; 3) коммуникативными репертуарами автора, переводчика и читателя из системы переводящего языка. Смысловые сдвиги опосредованы контекстом принимающей культуры и её культурными артефактами, так как модели текста зависят от уровня культуры, а оптимальное текстопостроение учитывает структуру языковой личности. То, насколько точным будет вторичное ментально-языковое (ре)конструирование Мира текста, реализуемое в виде письменно зафиксированной индивидуально-личностной переводческой проекции исходного текста, зависит от ряда факторов, среди которых:

- предметно-признаковое устройство реального мира действительности, относящиеся к сфере принимающей текст перевода культуре;
- эмоционально-оценочная актуализация, направляющая процессы классификации и категоризации.

Текст отражает коммуникативную деятельность, мировоззрение, опыт и систему знаний автора и мотивирует дальнейшую коммуникативную деятельность читателя. Социальное взаимодействие коммуникантов опирается на соответствующую социальную позицию, (не)разделение социальных норм, ролевые ожидания, экспектации. СЛОВО в тексте всегда включено в широкую систему контекстов. Нарушение связей, в том числе контекстуальных, внутри Мира слова, Мира текста, Мира автора приводит к «искривлению» этнокультурного Мира текста в целом. В.В. Виноградов писал о двойственной природе слова в художественной речи: «поэтическое слово двупланово: соотносясь со словесной системой общего языка, материально как бы совпадая с её элементами, оно в то же время по своим внутренним поэтическим формам, по своему поэтическому смыслу и содержанию направлено к символической структуре литературно-художественного произведения в целом» [1: 6].

Авторы могут использовать один и тот же формальный элемент или совокупность элементов, придавая им совершенно разное осмысление. Осмысление (или переосмысление) одного и того же формально тождественного текста или его фрагмента также может получить различную направленность. Смысловые универсалии концептуальной системы автора представлены инвариантами личностных смыслов, которые, в свою очередь, получают статус доминантных смыслов, поскольку «они интегрируют различные содержательные компоненты, представляющие одни и те же реалии на протяжении всего творчества писателя или поэта» [7: 35]. В СЛОВЕ, которое рассматривается как своего рода креативный аттрактор текста, сталкиваются актуальные личностные (авторские и читательские) смыслы.

Если читатель вырабатывает свой собственный средний смысл для каждого отдельного слова [8], то «сцены, которые мы строим на основе текстов, частично обуславливаются лексическим и грамматическим материалом текста, а частично – вкладом самого интерпретатора, причём последний базируется на том, что он знает о соответствующем контексте, что он знает о мире вообще и как он понимает значение говорящего» [12: 93]. Актуализация текстовых смыслов может зависеть напрямую от внешних обстоятельств, заставивших переводчика обратиться к оригиналу, и от общего контекста эпохи, заставляющего переводчика выбирать соответствующее направление интерпретации. В качестве примера смысловой коррекции текста, обусловленной временным фактором, обратимся к переводам шекспировского сонета 66 на русский язык, выполненных с XIX век по настоящий момент.

Итак, в настоящее время в русскоязычном пространстве сопричастствуют около 8000 переводов сонетов в виде отдельных текстов или полных переводов всего цикла, что делает сонеты В. Шекспира одним из самых переводимых на русский язык произведений. Первым переведённым сонетом стал сонет 130 с описанием красоты возлюбленной поэта, который был опубликован И.А. Мамуной в журнале «Библиотека для чтения» (1831). Однако именно сонет 66 оказался суггестивно-притягательным: насчитывается почти 150 его стихотворных переводов и 14 переводов, которые их создатели сами называют вариациями. Кроме того, имеются 4 прозаических перевода (П.А. Каншин, 1894; П.А. Кусков, 1889; А.Л. Соколовский, 1913; А.А. Шаракшанэ, 2004). Примечательно, что в дореволюционной России сонет 66 не пользовался особым вниманием у переводчиков. Впервые его перевёл Н.В. Гербель (1876), он был включён В.Г. Бенедиктовым (1884) в микроцикл из 12 шекспировских сонетов, а затем появился перевод В. Гоппена (1888). Ф.А. Червинский трижды обращался к нему (1890, 1892, 1903), уточняя и видоизменяя образы: строка *Заслугу – в рубище, свободу – искажённой* (1890) за 13 лет видоизменилась до *Заслугу – в рубище, невинность – осквернённой* (1903). Именно перевод Ф.А. Червинского вошёл в изданное под редакцией С.А. Венгерова «Полное собрание сочинений» (1904). Далее последовали переводы С. Ильина (1904), А. Кремлёва (1912) и М.И. Чайковского (1914). «Советский» период для сонета 66 начинается с практически одновременной публикацией переводов Б.Л. Пастернака (1938) и О.Б. Румера (1938). Через десять лет С.Я. Маршак публикует свой полный перевод сонетного цикла. В 1940-е годы чувашский поэт В. Иванов-Паймен переводил сонеты в сталинских лагерях близ Воркуты на строительстве железной дороги: эти переводы были опубликованы в 1964 году эти переводы, их можно назвать «коллективным лагерным трудом», так как в их создании принимали участие выполнивший подстрочник литератор Вл. Муравьев и литературный критик Л. Финк. Со второй половины 1990-х годов начинается настоящий переводной бум не только на переводы всего сонетного цикла (Я.М. Колкер, 1995; А.Д. Кузнецов, 1997; А.С. Суетин, 1997; В.Б. Тарзаева, 1997; А. Бердников, 1998; В. Розов, 1998; С. Степанов, 1999 и 2003), но и на переводы сонета 66. В. Зеленков (2001) создаёт отдельный сайт,

посвящённый только сонету 66. Продолжают выходить небольшими тиражами полные переводы всего шекспировского цикла сонетов, многие из которых их авторы выпускают практически одновременно (2004 – В. Микушевич и В.Я. Тяптин; 2006 – Э. Абрамов и Ю.И. Лифшиц; 2009 – В. Козаровецкий, А.М. Олеар и А.А. Шаракшанэ; 2017 – А.П. Ладошин и А. Ставцев; 2019 – Б. Аронштейн и А. Скальв; 2020 – А. Алексинов, В. Гандельсман, К. Жолудев, Ю. Ключников и В. Якушкина; 2021 – Г.А. Гецевич, И. Клюканов и А. Штыпель).

Постоянная ретроспективность и проспективность прослеживается в случае повторного перевода одним и тем же переводчиком одного и того же текста, особенно когда полученные переводы-проекции разделены временным промежутком. Если Ф.А. Червинский, три раза возвращавшийся к сонету 66, передавал по-разному только отдельные строки, то С. Степанов, изменив своё мнение об исходном тексте и личности его автора, перереконструировал повторный перевод под одного из претендентов в «Шекспиры» – графа Рэтленда. Переводческая рефлексия над сонетом 66 представлена на многочисленных переводческих форумах и сайтах в Интернете, где рассматриваются не только его новые переводы на русский язык, но также имеет место постоянное их сравнение с переводами С.Я. Маршака, т.е. имеет место ретроспекция как читательский (переводческий) опыт обращения к прошлым контекстам (имеющимся переводам) с одновременной попыткой предвосхищения будущих контекстов (потенциально возможных новых переводов).

Опираясь на концепцию внутреннего лексикона человека, разработанную А.А. Залевской, Н.В. Уфимцева [11] предлагает ввести понятие «ядро языкового сознания». Как и набор единиц внутреннего лексикона человека, ядро языкового сознания определяется путём ассоциативного эксперимента с участием от 100 до 1000 испытуемых и представляет собой совокупность слов (50–75 единиц), которые имеют наибольшее число связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети. Как пишет Н.В. Уфимцева, по сводным данным «Словаря ассоциативных норм русского языка» и «Русского ассоциативного словаря» системность и стабильность языкового сознания носителя русского языка поддерживается совпадением 6 слов из первых 10 слов: *человек, хорошо, дом, друг, нет, жизнь*. Возможно, суггестивная привлекательность сонета 66 для русскоязычных переводчиков объясняется присутствием этих слов в сонетном замке (*Save that, to die, I leave my love alone*). Практически единодушно переводчики XXI–XXI веков определяют *my love* (буквально ‘мою любовь’) как *друга*: *Да другу будет трудно без меня* (Б. Пастернак), *Но как тебя покинуть, милый друг?* (С.Я. Маршак), *Но как, мой друг, оставить здесь тебя?* (А. Васильчиков), *Да у тебя много друга нет* (В. Зеленков), *Что друг мой станет одинок совсем* (П. Карп), *Но другу будет слишком одиноко* (Я. Колкер), *Но другу будет слишком одиноко* (В. Левинсон), *Но как мне друга, одного, оставить здесь страдать?* (А. Ситницкий).

Сформировавшиеся в обществе языковые стереотипы и клише находят своё отражение в переводах, как, например, зооморфные образы *осла* и

*мартышки*, которые переводчики связывают с представлениями о глупости (*And folly, doctor-like, controlling skill*): *Учёность пред судом надменного осла...* (Н.В. Гербель, 1889), *Забывать талант перед судом осла...* (С.М. Мезенин, 1971), *И суд вести дозволено ослу...* (Альберт «Магнус» Аминов, 1999), *А вот мартышка учит мудрецов...* (Я. Фельдман, конец 1990-х).

Сравнительно-сопоставительный анализ переводов сонета 66 показал, что со временем они постепенно превратились в своеобразное зеркало, где отражаются новые ценности новой эпохи и концепция Зла.

В зону повышенного внимания современных переводчиков попадают новые координаты текста, связанные, главным образом с изменившимся реальным пространством, в котором оказалось общество в эпоху глобальных перемен. Например, в переводах строка про девичью честь (*And maiden virtue rudely strumpeted*) получает ярко выраженную временную маркированность: *Пошла в распутный дом...* (В. Бенедиктов, 1884), *Торгаш толкает телок за пятак...* (Паша Сушкин, 2000-е), *Что в загс приходят по любви к деньгам...* (С. Шабуцкий, 2000-е).

Шекспировская строка про веру (*And purest faith unhappily forsworn*) приобретает иной смысл: *Веру распинают на кресте...* (В. Зеленков), *А тот, кто верит, – попросту смешен...* (Я. Колкер), *Святую веру снова на кресте...* (И. Бевко), *Ведь кровью алою алтарь умыт...* (Виталий Игоревич), *Победно строит храмы на крови...* (В.Р. Поплавский), *Сам Патриарх кастрирует, в крови...* (Я. Фельдман). Переводчиками выбираются объекты, замещающие переменную текста из области возможных значений: *Веру распинают на кресте* → *Бога распяли на кресте* → *Бог = Вера* → *алтарь / храм / Патриарх*.

Смысл *неправедных почестей* (*And gilded honour shamefully misplac'd*) получает расширение и пересекается с темой *власти*, награждающей *пустоту*. При выводе умозаключения о заполнении «переменных» текста фиксируется актуальное в соответствии со сценарием «своего» времени, отражающим действия *власти* в 1980-е годы. В данном случае сопереживание как проживание текстовых смыслов вызвано обращением переводчиков к собственным знаниям о парадигмах смыслов, в результате чего рефлексия, обращённая на переводческие опыт и (со)переживание представленной в оригинале ситуации, предопределяет появление новой иерархии ценностей и выстраивание цепочки соответствующих ассоциаций с *наградами, орденами и галунами*: *ни Пустоты, чья вся в наградах грудь...* (Р. Винонен, 1971), *От срама орденов и галунов...* (В. Орёл, 1982), *Бездарность носит орден на груди...* (Я. Колкер, 1995).

В переводах значительно усилен пораженческий аспект *Добра* (*And captive good attending captain ill*): *Доброта сама идёт в тюрьму* (Н. Голь), *Я видел Добро в кандалах и цепях...* (В. Гоппен). Неосновными признаками *Зла*, получающего функцию палача и соответствующие атрибуты, становятся *застенки* (А. Васильчиков), *тюрьма* (Н. Голь), *оковы* (А.М. Финкель). Свой вольный перевод сонета 66 В. Юровицкий посвящает «зэкам ГУЛАГа». Фактически ассоциативные переживания, сконцентрированные в пословице

«От тюрьмы да от сумы никто не отрекайся», пересекаются с «семантическим ореолом» шекспировского сонета. Исследователи отмечают появление в русском языке особого выражения «причинять добро», не имеющего аналога в английском языке: через *причинение добра* человек пытается самоутвердиться, но *добро он делает* бескорыстно [10].

Меняется русский язык переводов, которые начинают отражать способ видения бытия, специфический фон и язык эпохи (*маза, жлоб, фуфлогон, пахан, авторитет, хмырь, быдлак* и т.д.) преломляются «в Шекспире» с его общечеловеческими ценностями из сонета 66 (*purest faith, simple truth, captive good*). Подобные изменения можно рассматривать как попытку довести получаемый текст до некоего «порога доступности», под которым понимается имеющийся у потенциального среднего (массового) читателя объём знаний, его уровень культурного развития, потребности и интересы. В этом случае получаемый вторичный текст начинает отражать новую социально-культурную среду, передавая своего рода «языковой вкус эпохи» (термин из [4]). Кроме этого, переводчики конца XX века – начала XXI века активно выдвигают на первый план существенные для них самих признаки нигилистического негативизма и отчуждения от внешнего мира. Отсутствие любви в мире превращает поэтический космос в хаос, где царит нерешительность и тьма. Происходит культурная переориентация исходного текста.

Культурная трансформируемость оригинала, когда вторичный текст изначально «подстраивается» под читателя определённой эпохи и социума, способна стать причиной его быстрого устаревания. Изменения, вносимые переводчиком при интерпретации-толковании оригинала, вызваны тем, что в попытке достичь «порога доступности» он ориентируется на читательские ожидания и представления о правильном (непереводном и оригинальном) тексте и изначально (не) соразмеряет потенциал «своего» текста познавательным возможностям «своего» читателя.

Переводчик стремится обеспечить «своему» тексту максимально доступное и полное вхождение в принимающую культуру. Мир(ы) текста актуализируются в зависимости от особенностей принимающей культуры, которая становится одним из смыслообразующих факторов двуязычной текстовой коммуникации. Переводчик как активный интерпретатор оригинала старается преодолеть ограничения «своей» культуры, что приводит к установлению (*exploring*) его собственных ограничений, а их преодоление активизирует его творческие способности к созданию нового (*creativity*) [13], т.е. речь идёт о таких сторонах художественного перевода, как субъективность и креативность переводчика.

«Расщепление» смысла текста определяется социокультурной ситуацией, а задействованные при ориентации в тексте ассоциативные связи – экстралингвистическими факторами, в результате чего в переводах оказываются слова, не имеющие, на первый взгляд, параллелей с оригиналом. В.А. Красильникова [5] подчёркивает, что сопоставление лексических единиц и синтаксических моделей из текстов оригинала и перевода, а также стоящего за

ними психологического содержания, позволяет в дальнейшем выйти на личностную доминанту переводчика. Таким образом, в переводческой деятельности решающим становится социопсихологический фактор, когда происходит перенос фокуса внимания на личную идентичность. Близость переводческих решений обусловлена фактом (со)существованием переводчиков в единой пространственно-временной обстановке.

### Список литературы

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 238 с.
2. Залевская А.А. Метафора и формирование проекций текста // Текст в коммуникации. М.: ИЯ АН СССР, 1991. С. 158–168.
3. Залевская А.А. Некоторые пути исследования психологической структуры значения ключевых слов в целях оптимизации межнационального общения // Перевод и автоматическая обработка текста. М.: ИЯ АН СССР, 1987. С. 46–57.
4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: «Златоуст», 1999. 320 с.
5. Красильникова В.Г. Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. лингвистич. ун-т, 1998. 24 с.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 112 с.
7. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. М.: АСОУ, 2010. Ч. 3. Психопэтика. 144 с.
8. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиографическую психологию. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 308 с.
9. Садур В.Г. Введение // Структура и функционирование поэтического текста. очерки лингвистической поэтики. М.: Наука, 1985. С. 3–5.
10. Тарасова О.Д., Щербо П.А. Пограничный характер экологии русского выражения «причинять добро» // Лингвистическая лимология. М.: МГОУ, 2022. С. 197–204.
11. Уфимцева Н.В. Ядро языкового сознания русских // Межкультурная коммуникация и перевод. М.: МОСУ, 2002. С. 9-12.
12. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. Вып. 12. Прикладная лингвистика. С. 74–122.
13. Kleberg L. The Translator as Actor // Skill and Education: Reflection and Experience. London; Berlin; Heidelberg; N.Y.; Paris; Tokyo; Hong-Kong; Barcelona; Budapest: Springer-Verlag, 1992. Pp. 215-219.

## ACTUALIZATION OF TEXT MEANINGS IN BILINGUAL COMMUNICATION

**E.M. Maslennikova**

Tver State University, Tver

Readers find textual meanings due to the word context and their own knowledge of how textual meanings should be assigned to the text and within the text. In the case of bilingual and bicultural communication meaningful shifts can be influenced by the host culture that readers belong to. The proximity of translators' solutions depends on their (co)coexistence within the same cultural environment. The article deals with the emotional involvement of translators determining the target text with its system of meanings.

*Key words: text, understanding, translation, interpretation, personal meanings.*

*Сведения об авторе:*

МАСЛЕНИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии Тверского государственного университета, *e-mail:* [e-maslennikova@inbox.ru](mailto:e-maslennikova@inbox.ru).